

Юпитер светлый плывет по зеленым водам

Микола Костомаров

Юпитер светлый плывет по зеленым водам киммерийским.
Сон туманный покрыл и город, и порт. Но в селеньях
Сильных Пантикапеи бродит странник унылый,
Смысл могильных вершин уловляя при тусклом мерцаньи.
Скорбь посетила обитель отживших. Враг неизбежный
Непроницаемых сеней коснулся. Смелее он полчищ
Готфов, нанесших последний удар стародавней Тавриде,
Неукротимее моря и древней судьбы неприступней.
Зорче всезрящего солнца – он из пучин океана
Тайны износит на свет и в от века замкнутые входит
Горных сокровищ приюты; он с равной отвагой вступает
В неизмеримую звездного Понта пучину и в сети
Неуловимой очами цветка плодотворной пылинки,
Он разрушает и светлый надзвездный Олимп и Плутона
Мрачное царство. Враг тот наука. Граду, который
Огненный дух посетил, подобна долина покоя,
Суетным взорам открыты могил уютные недра.
Царственным ликом всех выше есть меж холмами печальный
Холм без жилья, ограбленный, брошенный нищий калека,
Гордо глядит на увядшее поле, на моря сонные волны.
Ночи росой, как слезою, стены седые покрыты
Блещут. Таков несчастливец, если безжалостно люди
Сердце его раскопают, изведуют суетно тайны,
Веру в счастье похитят и храмину сердца пустую
На поругание кинут улыбкам зевающей черни.
Нем, бездвижен, бесчувствен, бессилен для мира страдалец,
Дневной свет опаляет разверзтые раны, от боли
К небу он не поднимает очей – не опустит и в землю.
Горд, как богач, как счастливец, спокоен с печатью явной
Гибели – он и открытый неведом, когда, нагладевшись,
Чернь покинет его в одиночестве – сумраке тихом, –
Выронит тайно слезу: то признак мерцающей жизни...
Странник садится у входа могильного склепа, вперивши
Очи в пустынное море, серебримое звездным мерцаньем.
Вдруг перед ним появилась воздушная тень, человека

Облик бесплотный, легкий, но темный, струйке подобный
Дыма, случайно принявшей несвойственный образ. Светила
Ночи сияли сквозь тонкое тени строенье, ногами
Призрак земли не касаясь, пlying, приближался к могиле.
Грустно прерывистым голосом дивная тень провещала:

"Иль не довольно еще поругания мы претерпели?
Хищно нахлынули вы в безмятежное наше жилище,
Наши дома разорили, сокровища наши исторгли,
Нас самих извлекли из обители вечной прохлады.
Золота ль мало в горах? Зачем святотатственно ищешь
В темных гробах ты его, ненасытное племя? Иль тесно
Вам на земле и, разграбив наши жилища, хотите
В них поселиться?"
- Тень благородная, - вымолвил странник, -
Руки мои не касались ваших сокровищ: прости мне,
Если, усталый от жизни, в вашем уютном селенье
Ночью ищу я покоя! -
Тень отвечает: "Покоя!
Ищешь напрасно покоя: нет больше покоя в могилах;
Тысячи лет мы лежали спокойно, не зная о свете,
Не ощущая себя, в ничтожества сладости сонной.
Дар драгоценный ничтожество! Смертный тебя не постигнет,
В вихре обманчивых благ и существенных бедствий за счастьем
Вечно гоняясь и горя всегда избегая, и счастьем
Он недоволен, и сам себе горе творит непрестанно.
Не оценим ты и теми, которые полным фиалом
В недрах земли испивают твой усладительный нектар.
Нам лишь ты ведом, нам, потерявшим тебя безвозвратно,
Нам, осужденным на страшную муку сознания без жизни.
Тысячи лет проходили: мы спали спокойно, недвижно,
Волны народов по нашим могилам катились, а в сени
Наших могил не входили их буйные крики. Явились
Вы ненасытные - горе нам, горе! вечное горе!
Был я царем и приморья, и моря, и всей Меотиды,
Гордых жестокий каратель, смиренных благой утешитель.
Час мой настал - и с достойною почестью дети и внуки
С сонмом покорных рабов погребли меня в этой могиле;
Слезы долга, рыдания любви оросили мой пепел.
Странник! взирай! И если способен ты чувствовать горе,
Горе царей оскорбленных... пусть разорвется от скорби

Сердце твое, пусть брызнут потоком достойные слезы!
Царственный склеп мой разрушен – последний мой дом неприступный,
Раб ничтожной ногой попирает ложницу владыки...
Мраморный гроб мой похищен... увы! Из амфор, куда слезы
Чад и родных нистекали, вытерты пятна драгие.
Горе мне, горе, вечное горе!"
И странник унылый,
Весь потрясенный, проникся участием к царственной тени.
Тень продолжает: "Но мало бесчестия, мало бессилья!
Страшная мука мне суждена, несказанная мука!
Видишь ли дикий утес, нависший печально над морем?
Там, как Эола унылая дочь, бездвижно день целый
Я осужден изнывать под пылающим, мне ненавистным
Солнцем, незримый очам ни людей, ни животных, лишенный
Дара смотреть, затопленный в какой-то бессмысленный ужас.
Ночью ж, безлунное ль небо заблещет звездами, Селена ль
Выйдет из топи туманной, – неведомой силой влекомый,
Я поднимаюсь, иду по селеньям отживших, скитаюсь
Между разрытых могил, иногда повстречаю
Тень, подобную мне, осужденную также скитаться,
Тень родного иль друга; приветствие скажем, бывшее
Вспомним, поведаем муку свою, разойдемся.
Ах, ни обнять, ни лобзания дать дорогому! И горе
Сильно свое, и не слушаем горя чужого! Нередко
Тень незнакомую встречу, жильца времен наступивших
После меня, напрасно для смертных заманчивым знаньем
Лет неизвестных себя услаждал я: призрак бесплотный,
Отжил равно я для лет настоящих, грядущих, протекших;
Если же встречу врага – от бессилья врага уничтожить
Вдвое скорбь удручает меня, и скорбь без предела
Давит меня, когда вижу, что враг мой не терпит; угасли
Все ощущения во мне любопытства, приязни, – не гаснет
Ненависть к царским врагам и величия царского гордость.
В час же, когда озлатит Фанагории взморье денница,
Снова, неведомой силой влекомый, иду я на берег,
Снова терплю несказанную муку и нет мне отрады!"

Воплем прерывистым кончил рассказ властелин Меотиды,
И состраданием глубже проникнулось странника сердце.
– Царь злополучный! Властитель-изгнанник! – сказал он. – Ужели
Был ты могуч для того, чтобы в горьком сознание бессилья

Ныне на муку идти, по веленью таинственной воли?
Ах! На то ль обладал киммерийским туманным приморьем,
Чтоб сиротой безнадежным бродить по знакомому полю,
Полю, ныне чужому? Последний из многих, ничтожных,
Власти твоей трепетавших, счастливей тебя: любопытный
Гроба его не найдет и не выбросит бедного праха!
Был бы сто раз ты счастливей, если б, как сына рабыни,
В поле пустынном тебя погребли и могилу сравнили
Плугом. Ты б не скитался, страдалец, в томительной муке.
Ах! Если может быть связь и общение мертвых с живыми!
Ах! Если б мог усладить я твой жребий печальный! – И гласом,
Гласом, подобным тому, какой бы арфа издала,
Если б внезапно все струны порвались, отвечивал призрак:

"Если б ты мог возратить мне снятый венец и богатства,
Если бы мог ты собрать мой развеянный по миру пепел,
Если бы мог, как родной, как подвластный, достойно оплакать
Вновь кончину мою – и тогда погрузиться б не мог я
В сон ничтожества сладкий, в спокойствие вечного мира.
Роем грехи мои вышли из бездны забвенья и грозно
Встали противу меня с приговором гибели вечной!
Если погаснет солнце, луна и светила ночные,
Если сгорит вся земля и звонкие воды умолкнут,
Мне и тогда не узнать, не узнать благодатного мира.
Буду скитаться на черных обломках угаснувшей массы,
В однообразной тоске, без конца, от века до века!"

Медленно призрак начал отходить и в ночном полумраке
Скоро из вида исчез. Удивленный задумался странник.
Вдруг к нему начал звук долетать, подобный журчанью
Кроткой струи, когда каплями льется она из фонтана,
Слезоподобным дождем поражая светящийся мрамор.
Снова пред ним человеческий лик, но с облаком сходный,
Если оно набежит на серебряный облик Феbei.
Нежно льющимся голосом светлая тень провещала:
"Смертному в жизни даны два несравненные блага:
Первое благо – поэзия, благо другое – любовь.
Счастье тому, кто умеет любить и исполнен восторгов,
Горе тому, кто лишает поэта и муз, и любви!"

– Если бы, – странник сказал, – я мог от себя отделиться

И созерцать свою душу – таинственной речью иною
Мне б не сказала она погребенной на дне ее правды! –
Тень приближается. "Странник, – она говорит, – кто бы ты ни был,
Тайная связь между мной и тобою: доселе я слышал
Речи чужие; не слышал меня никто из живущих,
Видел я всех и в день и в ночи, незримый доселе
Ни для кого, а тебе суждено меня видеть и слышать!
Долей моей поделившись с тобою, найду я отраду!
Верно, известно тебе начало Пантикапеи:
Гордый Милет Ионийский, родивший триста колоний,
Был отцом и для нас. Попрощавшись с цветущей отчизной,
Новую родину деда нашли в ужасавшем их крае.
Здесь, прорицанью внимая, на бреге пустынном пролива,
Град заложили эллины и Пану его посвятили.
Светлое было призвание юной колонии нашей:
Скифии хладной дары получая, деда меняли
Их на дары просвещения и солнца обильного юга.
Было еще и другое призванье светлее и выше:
Синды, сарматы, меоты и варвары Скифии дальней,
С племенем нашим знакомясь, ответный животный
Нрав свой бросали, вдыхая сок просвещения сладкий.
Так, когда наступает весны благотворное время,
Солнце лед растопит, откроет исходы земные,
Окоченевшие встанут летучие мелкие твари
К жизни, к дыханью – и шумным наполнится воздух жужжаньем:
Так под убийственным хладом невежества спавшие роды
От благотворных лучей эллинского солнца вставали.
Все здесь дышало Элладой. Долго хранили пришельцы
Веру отцов, и язык, и нравы, и песни Гомера,
И драгоценнейший дар эллинского рода – свободу.
Часто нас посещали желанные гости Эллады,
Часто наши суда отправлялись на родину предков
С грузом скифских товаров. Понтом Эвксинским не даром
Понт Аксенский был прозван. Но язва нас посетила,
Страшная язва: тиранство – недуг неисцельный эллинов!
Доблестью бранной сначала первенство в сонме сограждан
Приобретал полководец, готовил запасы сокровищ,
Хитрою речью воле своей приучал подчинять
Непостоянную площади волю, потом, заглушая
Звуком прельстительным золота совесть убогих, почетной
Стражей себя окружал и захватывал дерзко правление.

Так погибла свобода общин эллинских, погибла
Так она и у нас, и корни пустило глубоко
В Пантикапее тиранство. Венцом освящая хищенья,
Смело детям и внукам отцы отдавали добычу.
Мне судьба повелела родиться в то время, как память
Прежних лет освещала отчизну негреющим светом.
Деспот властвовал нами, тот самый, которого видишь
Ты пред собою пустую гробницу. Был деспот суровый,
С мрачной, зловонной душою; как эвмениды Оресту,
Сна не давали ему опасенья – ни заговоров
И ни восстаний: слишком с неволей сжились ионийцы, –
Мучился деспот безумный, воображая, что тайно
Хульные речи об нем произносят, и черною стаей
Рыскали, мнимых ища преступлений, шпионы, и горе
Бедному, кто попадал в их паутину: телесных
Мук не довольно казалось тирану!
Видишь ли дикий утес, нависший печально над морем?
Там построил он башню, под видом, чтоб в темные ночи
К порту указывал путь кораблям маяк благосклонный.
В башне было два яруса; верхний нижнего меньше,
Сверху на кровле маяк; безмерно толстые стены.
Так казалось снаружи: не ведали тайны строенья,
Тайны ужасной, бесчувственным стражем заботливо скрытой.
Были устроены в ярусе нижнем узкие ямы,
С тайным отверстием в ярусе верхнем, покрытом железным
Полом; доску приподнявши, туда опускали
Жертву тирана, и трупом стоячим, недвижимый, лишенный
Света, не слыша ни речи людской, ни дыхания ветра,
Медленно тлел несчастливец. Хлеба кусок ежедневно
Сторож погибшим бросал, протягивать велено было
Их бытие: бесконечно тешился варвар кончиной.
Светлую мысль, благородное чувство, божественных песней
Дар преследовал деспот и, с корнем исторгнуть желая
Жизни разумной порывы, в школах незрелых питомцев
Он повелел развращать, чтоб личной выгоде каждый
В жертву охотно принес и мысли, и чувства святыню.
Если когда-либо, странник, ты видел, как гусениц рои
Ветви укроют дубов, – мотыльков легкокрылых отродье,
Вдруг налетают нежданно на бедную тварь золотые
Осы, любимцы полных цветов и полуденной неги:
Юное тело червя разверзая, они опускают

Плод свой в него, и кормилицу гложет растущий питомец.
Медленной мукой томится бедняжка, то вправо, то влево
Водит головкой, ложится на спину, вьется в колечки
И, не вступая в новую жизнь, пропадает. Подобной
Участь юношей наших казалась тому, кто способен
Чувствовать горе! Нося человеческий образ, не в силах,
В детстве отравленный ядом тлетворной науки, достигнуть
Цели, указанной нам от природы, совлекши начальный
Образ животный, явиться в образе стройном согласья
Животворящего духа с покорно-прекрасною плотью.
С юных лет, когда склонности наши зараней являют
То, к чему каждый судьбою призван на поприще жизни,
Сердце мое воспылало любовью к тому, что, над плотским
Миром нас возвышая, уносит в эфирные страны.
Рано я стал разуметь язык красоты благодатный,
Звуки лиры мне были отрадней богатства и чести,
Смысла высокого полны казались мне скалы, и гордых
Тополей тень, и чарующий голос пустынного моря.
Басни поэтов и радужно-светлые старцев преданья
Душу мне улаждали: в часы вдохновенья святого
Передо мной воскресали Ионии матерней игры,
Танцы заветные дев и священные Делоса рощи,
В день покровителя-Бога звенящие радостным хором.
Сами невольно слова улегались в звонкий гекзаметр:
Пел я деяния славные предков, пел я начало
Града родного; душой иониец, пел я свободу.
Скромная муза моя не гремела сатирой тиранам;
Дел современных я не касался, житейских волнений
Чужд Аполлона истинный сын, между тем наступила
Страсти любовной пора, благовонного жизни расцвета!
В юности, многим из наших подобно, не пел я продажных
Жен, сладострастных ночей и шумных вакхических оргий.
Не для коротких утех я был создан, для томной, глубокой
Тихой любви, для святого союза по гроб и за гробом,
Той бесконечной любви, какую пылал к Эвридике
Падший за верность и девство фракийский певцов первообраз.
И наградила богиня меня Эвфросиной достойной:
Дочь востока, денница, золотокудрая дева
Так не прекрасна. Но чистое сердце, и девственно светлый
Разум, и к музам порыв благородный меня привлекали
Больше волнистых кудрей и гармонии полного тела.

Я не испытывал долго любви безответной томленья:
Равной любовью мне отвечала девица, и скоро
Мать и отец съединили нас словом заветным согласия.
Ранней весною, когда Афродитой начнут наполняться
Рощи, луга и мать земля и эфир плодотворный,
Был назначен тот день, когда к алтарю Гименея
Должен был я повести под багряным покровом невесту.
Но когда в девственно-страстных объятьях невесты я таял,
Скрытно мне гибель ковала во тьме боязливая подлость;
Жаба, змея, крокодил и ящериц гнусных породы,
Сколько их есть на земле, под землей и в пустынях подводных,
Слишком прекрасны в сравнении с тем, кто тирану
Ложно донес на меня, будто я, старину воспевая,
Ненависть к власти его разношу, что я развратитель
Нравов, что я для спокойствия общего вреден. Довольно
Было тирану увидеть поэта во мне – приказал он
Тайно меня погубить и, узнав, что готовлюсь я к браку,
Дал повеленье, для больших мучений, пред праздником самым
Жизни, забросить меня в свое роковое строенье.
Ах, если знаменьям верить, которых боятся народы!
Трижды я слышал над кровлей зловещего ворона крики,
Конь подо мной спотыкался; тайная скорбь безотчетно
В сердце мне заронила в то время, когда в упоеньи
Страсти считал я себя счастливейшим в мире, и, мучась,
Сам себе я удивлялся! Так накануне блаженства
Вечером тихим, весенним сидел я с своей Эвфросиной,
Взор устремивши в раздумье на синюю даль небосклона;
Тщетно старалась она поцелуем стыдливым рассеять
Тяжесть души непонятную, тщетно восторженной речью
Будущность мне рисовала, напрасно родные смеялись,
Глядя на лик мой задумчивый, сам над собой я смеялся
С ними и в ту же минуту от грусти готов был заплакать.
Так в тревожном предчувствии я попрощался навеки
С морем, и с золотом дневных лучей, и с лазурью воздушной,
И с Эвфросиной! За полночь, когда заходящие звезды
Сном утоляют мучительный бред беспокойного сердца,
Был я схвачен. Как филины, тихо подкрались тирана
Слуги, уста завязав, повлекли и без дальних расспросов,
Без объяснений, забросили в страшную стену навеки! Так погиб я.
Однообразной волной понеслось невозвратное время,
Царства с собой унося, и грады, и речи народов,

Века сменялись! Не стало колонии гордой Милета.
Вновь воскресла она. И случаем, вышнею ль силой,
Кто-то, копаясь в земле, костей моих части сухие
Вместе с истлевшим железом оков исторгнул из персти.
Силой таинственной я пробудился от сна без сознания.
Это случилось в тот год, когда воскресения знамя
Дети эллинов подняли, вспомня прадедную славу.
Мне пробуждение не в тягость. Бесплотный, свободный, быстрее
Света парю над землей, постигая несвязанные смыслом
Силы природы, судьбы человека и мироправленья
Тайную связь, познаю справедливого, вечного Бога,
Бога, которого мы, недовольные древними снами,
Предошущали в гаданьи, которого гимном согласия
Славил хор мудрецов, томившихся жаждою знания,
Бога, открытого вам в надежде бессмертья и жизни.
Дар мне ниспослан отрадный: любовь и добра вдохновенье
Я поселяю, невидимый, в души нередко, влетая
В дом несогласной семьи; поселял я раскаянья трепет
В детях строптивых, и братний раздор погашал, и в гневе
Муж, оскорбивший жену, со слезами искал примиренья.
Я навевал сновиденья поэтам и в души страдальцев
Лил утешения нектар и крепкую горечь терпенья.
Я пред полками эллинов носился духом надежды,
В высях незримый, и дивною силой присутствия, будто
Песнею славы, им освежал благородные души.
Даже природа за мной по следам расцветает: обильней
Желтая нива, дрожит виноград под тяжестью гроздов,
Белая лилия девственной, томный цвет незабудки
Ярче яхонтом блещет и птичек весенние хоры
Звонче приветствуют ясное утро. Но ах, и такое
Счастье не полно... Нет Эвфросины со мною! В далеких,
В близких местах я искал ее, много подобных, воскресших
К жизни летучей, теней вопрошал я, и нет мне ответа!
Где она? Что с нею случилось? Забыла ль поэта и с новым
Другом вступила в союз иль, верная памяти слезной,
В тихом угасла томленьи, равно для меня неизменна.
Вечно единая, милая, сладкая – с ней бы я в область
Света вознесся... Гаснет по смерти лишь тленная похоть;
Неугасима любовь, добра животворный источник!"

Кончил рассказ иониец, и странник в восторге воскликнул:

- О святыня души! дорогая свобода, ты лучший
Дар божества, свет ума и сердца, огонь животворный!
Счастья нашего страж, наслаждений высоких хранитель!
О засияй, лучезарная, о согревай нас, святая!
Долго ль во мраке душном блуждая, мы будем напрасно
Ждать твоего восхожденья и делаться пищей тиранам!
Скоро ли, скоро? Приди ж, дорогая свобода ! -
Так восклицал он. Заря расцвечала восточное небо,
Утро являлось обычно, но ах, не светила свобода!